



DOI: 10.22363/2313-1438-2017-19-2-118-129

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ В РОССИИ: КЕЙС МОСКОВСКОГО ДВИЖЕНИЯ АРХНАДЗОР

А.А. Зверев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Мясницкая ул., 20, Москва, Россия, 101000

В последнее десятилетие вопросы, связанные с культурой, стали чаще возникать в информационном пространстве, а многие из них стали обязательной частью актуальной политической повестки дня, как на региональном, так и на федеральном уровнях. Охрана памятников является составляющей культурной политики государства. Данная статья отвечает на два вопроса. Существует ли политическое измерение у охраны памятников? Что может служить причиной политизации/деполитизации охраны памятников? Автором были проанализированы нормы международного права в сфере охраны культурного наследия, а также была исследована эволюция понятий «памятник» и «наследие». Кроме того, был проведен анализ деятельности московского движения по охране памятников Архнадзор с целью выявить возможное политическое измерение деятельности движения. В данной работе вопросы охраны памятников рассмотрены на отечественном материале через призму политологии и теории продвижения интересов, что является отличительной особенностью и научной новизной данной исследовательской работы.

Ключевые слова: наследие, охрана памятников, политическое действие, адвокати́рование, городские движения

За последние десять лет вокруг культурной политики в России развернулась общественно-политическая дискуссия, переходящая в открытое противостояние различных социальных групп. Это связано с попытками государства создать унифицированное культурное пространство с заданными ориентирами (единый учебник истории, система финансирования кино и т.д.). Активизация культурной политики привела к тому, что конфликты вокруг явлений и событий в сфере культуры вышли на поверхность и стали частью актуальной повестки для властных институтов и оппозиционных групп.

Таким образом, можно говорить о политизации культуры. Тренд на политизацию наметился не только на федеральном, но и на региональном уровне. В данной работе рассматривается политизация охраны объектов культурного наследия на примере московского движения по охране памятников Архнадзор. Выбор темы обусловлен тем, что наследие является выражением идеологии государства.

Цель данной работы заключается в том, чтобы продемонстрировать политическое измерение охраны культурного наследия в Москве и показать, что политизация является главным трендом развития конфликтов в данной сфере. В ходе исследования были проанализированы:

- а) нормативно-правовые акты, регулирующие охрану памятников;
- б) деятельность Архнадзора;
- в) реакция властных институтов.

Автор провел глубинные интервью с участниками движения и включенное наблюдения на протестных акциях. Публичная активность движения и анализ информационного освещения деятельности Архнадзора был сделан на основе материалов сайта движения, а также информационно-аналитических сервисов Интегрум и LiveInternet.

Центральными категориями данной работы являются «памятник» и «культурное наследие». Памятники — это символические объекты. С одной стороны, они являются материальным выражением культуры, а с другой — транслируют ее, обеспечивая неразрывную связь между поколениями и различными пластами истории. В данной работе под памятниками понимаются исключительно здания. Совокупность памятников представляет собой культурное наследие.

ИСТОКИ ПОЛИТИЗАЦИИ ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ

Памятники являются символом исторической эпохи и выражением отношения к ней, поэтому охрана памятников имеет политическое измерение. Общественно-политическая деятельность по охране памятников появилась в России в начале XX в. Первая общественная организация — Общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины — возникла в Санкт-Петербурге в 1909 г. [3]. Установочные принципы охраны памятников были сформулированы А. Бенуа в 1902 г. в статье «Живописный Петербург». В 1917 г. московские защитники старины создали Объединенный комитет по охране собраний и памятников искусства. В ноябре того же года в Москве появилось первое государственное учреждение по охране памятников — Московская комиссия по охране памятников старины [4]. Городская власть не только признала необходимость охранять памятники, но и взяла эту сферу под собственный контроль.

В 1965 г. Совмин РСФСР учредил зонтичную организацию — Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры [9]. ВООПИиК был монопольным представителем общественного интереса в данной сфере, однако в середине 80-х гг. начали возникать новые движения (Группа спасения в Ленинграде, локальные инициативы в Москве).

Майкл Франзен отмечает, что первые движения за сохранение культурного наследия нового типа появились на Западе в 70-е гг. XX в. в ответ на постмодернизм и эклектику городской архитектуры [15. С. 56].

Следует отметить, что отличительной чертой новых движений является ориентация на публичное действие и освещение в СМИ.

Понятие «наследие» является категорией международного права. В 1935 г. был подписан Договор об охране художественных и научных учреждений и исторических памятников, получивший название «Пакт Рериха». В восьми статьях пакта изложены принципы охраны памятников истории и культуры, которые легли в основу Гагской Конвенции ЮНЕСКО от 1954 г. и последовавшей за ней Конвенции об охране всемирного культурного и исторического наследия ЮНЕСКО от 1972 г. В статье № 5 Конвенции указано, что страны-участницы должны обеспечивать максимально эффективную охрану памятников и прислушиваться к ин-

тересам местного населения [6]. Поскольку РФ присоединилась к Конвенции, данная норма является действующей рекомендацией для региональных и федеральных органов власти. Согласно Всеобщей декларации ЮНЕСКО «О культурном разнообразии» «культурные права составляют неотъемлемую часть прав человека, которые являются универсальными, неразделимыми и взаимозависимыми» [2. С. 5].

Указанные правовые акты подчеркивают значимость охраны памятников и делают вопросы охраняемых памятников предметом мировой политики. Этот тезис подтверждает работа межправительственных (ЮНЕСКО, ИКОМОС и др.) и неправительственных организаций (МСОП, Докомомо и др.).

С развитием информационных технологий стала возможна консолидация общественных движений данной сфере на глобальном уровне. Примером консолидации служит созданная в 2012 г. организация World Heritage Watch e.V., которая представляет собой сеть, объединяющую несколько сотен общественных инициатив по охране памятников по всему миру [22].

АКТУАЛИЗАЦИЯ КОНФЛИКТА

Политизации протеста в сфере охраны культурного наследия способствует пространственная и социальная структура города. «Мы живем в расколотых городах... Города расколоты в социальном отношении между финансовыми элитами и огромными массами низкооплачиваемых работников сферы услуг, смешивающихся с маргиналами и безработными» [11. С. 80]. Так описывает Д. Харви конфликт, зашитый в пространственной и социальной структуре города. У каждой группы есть свое видение городского пространства и собственное право на город и публичные пространства.

Мануэль Кастельс выделяет три сферы конфликтами в трех сферах: производство, опыт и власть [13].

Дэвид Харви поясняет — городские конфликты обусловлены сочетанием двух факторов: социальные противоречия и городское пространство [15]. В острой фазе конфликты приобретают политическое измерение.

Одним из проявлений политики изменений является джентрификация, в ходе которой отсталые территории (промзоны, трущобы и т.д.) адаптируется под запросы и стиль жизни среднего класса и городской буржуазии. Изменение статуса социального пространства в ходе джентрификации становится источником социального и политического протеста неудовлетворенных групп и выражается в рамках публичного политического протеста.

В советское время конфликты, зашитые в структуре города, были в латентном состоянии, в силу незначительности социального расслоения и инклюзивности публичного пространства: горожане имели равный доступ к публичным пространствам и равные права [12].

С изменением социально-политического устройства и бурным городским развитием в неолиберальной парадигме латентные конфликты перешли в острую фазу. Изучая политику по охране памятников в Китае, Ксиаобо Су пришел к выводу, что либерализация политики экономического развития приводит к коммо-

дификации объектов культурного наследия, т.е. памятники истории и культуры получают статус товара, который городские власти предлагают рынку [21].

Разрушение объектов культурного наследия в историческом центре фактически является примером джентрификации, повлекшей изменение социального статуса центра Москвы. Новый класс богатых собственников адаптировал исторический центр под свои потребности и сценарии использования. Жители Москвы, не вписавшиеся в новую городскую структуру, стали отстаивать свое «право на город» в борьбе со строительным бизнесом, в том числе в формате движений по охране культурного наследия.

Политизации способствует сама структура коммуникаций. Сохранение памятника требует соответствующего решения властей, а значит, цель протестных групп — повлиять на принятие и имплементацию решения. Как отмечает О. Каширских: «коммуникационные роли и нормы, которые определяют поведение акторов в процессе политической коммуникации, зависят от структурных условий политической системы и медиа-системы данной страны» [5. С. 119].

Дженкинс считает, что публичные действия способствуют протестной мобилизации и повышают политический потенциал социального движения [16]. Доступ к каналам коммуникации является одним из важных ресурсов протестных групп, так как позволяет превращать личное недовольство политикой в проблему общего порядка. Мишель де Серто охарактеризовал такую тактику как силу слабых [10].

В данной работе мы будем использовать термин «политизация» для обозначения тактики публичных акций. Однако общественные движения могут оказывать влияние на политику, не выходя в публичное поле. Такую стратегию американский политолог Дж. Мозли называет «*silent advocacy*» («тихое адвокатирование»), т.е. продвижение интересов без политизации и привлечения внимания широкой общественности [19]. Когда движение использует обе стратегии, оно превращается в политического брокера, для которого характерен следующий набор функций:

- распространение информации о проблеме;
- обеспечение интересов членов организации;
- политическая поддержка союзников [17].

В эмпирической части будет продемонстрировано, что движение Архнадзор является политическим брокером, который стремится одновременно политизировать конфликт и решать проблемы без привлечения широкого общественного внимания.

КЕЙС АРХНАДЗОРА

Движение Архнадзор было создано Московским обществом охраны архитектурного наследия¹ в 2009 г. Группа активистов смогла достаточно быстро мобилизоваться и оформиться в протестное движение, поскольку участники имели опыт

¹ Московское общество охраны архитектурного наследия (*Moscow architecture preservation society MAPS*) — независимое незарегистрированное общественное объединение, созданное в 2004 г. британскими журналистами, работающими в Москве. Широкую известность получила после публикации двух экспертно-аналитических докладов: «Архитектурное наследие Москвы: точка невозврата», в которых перечислялись «архитектурные утраты» города.

градозащитной деятельности и/или имели связи в сфере охраны памятников. Как показывают интервью, и сегодня ядро движения во многом состоит из бывших и действующих членов ВООПИиКа.

Обладая экспертными знаниями, лидеры движения играют роль индивидуальных политических брокеров, которые «продают» собственные знания и навыки органам власти в формате участия в экспертных комиссиях, советах и других совещательных органах. Данная модель работы относится к так называемым тактикам лоббирования «изнутри» [18].

С другой стороны, Архнадзор также рекрутировал людей, занимающихся журналистикой и умеющих проводить эффективные публичные компании. Поскольку активисты, их связи и компетенции являются ресурсной базой социального движения, можно сказать, что Архнадзор обладает необходимыми ресурсами для участия в публичной политике и для отраслевого лоббизма.

Движение объединяет людей разных политических взглядов, но они обладают коллективной идентичностью: «Мы — защитники культурного наследия Москвы». В интервью представители движения подчеркивали, что политическая нейтральность является базой для движения. Однако на деле деполитизация ограничивается политической нейтральностью. Приведу ниже цитату из интервью с представителем движения, которая отражает понимание политической нейтральности как отсутствия идеологии внутри движения. «В „Архнадзоре“ люди всех политических взглядов легального спектра. Если вынести это за скобки, движение может жить. Отношение наше к политической реальности различно и лучше об этом не спрашивать».

В стадии низовой инициативы идеологический окрас играет роль ценностного связующего звена, однако по мере развития и институционализации движения идеологическая составляющая выхолащивается. Дженифер Мозли отмечает, что хорошо структурированные и институционализированные движения идеологически нейтральны [18]. Исследования Оливера показывают, что «институционализированные организации с профессиональными лидерами, сильными сетевыми связями и формальной структурой прикладывают значительные усилия, чтобы стать легитимными политическими игроками» [20].

Члены движения обращаются за помощью к различным политическим партиям и инициативам (от КПРФ и «Справедливой России» до «Яблока» и КГИ), городским (А. Клыков) и муниципальным депутатам (например, А. Порошина, Е. Русакова, Е. Ткач). Следует отметить, что политическое представительство движения на муниципальном уровне заметно увеличилось после последних выборов.

Как показали интервью, ядро Архнадзора оставляют около 400 человек, которые находятся в активной переписке начиная с 2009 г. Движение внутренне дифференцировано и разбито на 5 специализированных секций, которые выполняют узкий перечень задач. Секции формируются в соответствии с личным опытом, связями и профессиональными компетенциями членов движения. Стратегическое управление движением осуществляет координационный совет, который состоит из руководителей отраслевых секций. Из организационной структуры движения (рис. 1) видно, что координаторы играют роль связующего звена, а не вершины управленческой иерархии.

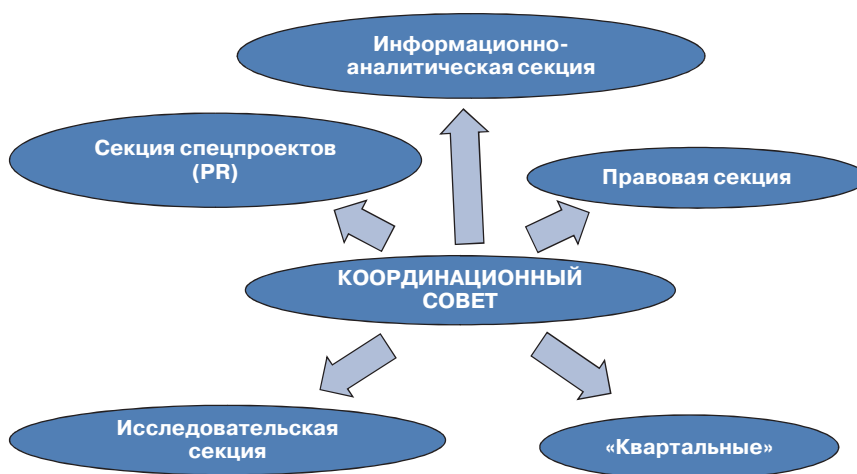


Рис. 1. Организационная структура движения Архнадзор

Источник: данные глубинных интервью автора работы с участниками движения

Управленческая структура, как и его ресурсная база, является иллюстрацией стратегической амбивалентности движения, которая заключается в одновременном использовании тактики политизации и тактики «тихого адвокати́рования» (анализ НПА, обращения в органы власти). Т.е. движение одновременно апеллирует к органам власти и широкой публике (опосредованная апелляция к власти). Архнадзор не является официально зарегистрированной общественной организацией, поэтому государство не рассматривает Архнадзор как институционализированного актора, который может участвовать в работе органов государственной власти. Взаимодействие с ОГВ происходит на персональном уровне и зависит от личных возможностей и статуса координаторов движения. Например, К. Михайлов и Р. Рахматуллин входят в консультативные органы и занимаются экспертно-аналитической и лоббистской деятельностью от имени движения.

Михайлов и Рахматуллин являются ключевыми спикерами движения с самой высокой долей упоминания в СМИ. Таким образом, можно говорить о наличии взаимосвязи между информационным и политическим капиталами общественных активистов.

Интервью показали, что Архнадзор разворачивает медиакампанию и выводит конфликт в публичную сферу в трех случаях:

- 1) не хватает лоббистского потенциала;
- 2) ограничение во времени (начались строительные работы, угрожающие целостности памятника);
- 3) «сложный случай» (требуется комплексный подход с сочетанием различных методов воздействия).

Когда конфликт обостряется, взаимодействие с органами власти переходит в режим конфронтации. Анализ медиапространства показал, что риторика московских властей в случае опубликования конфликта становится жестче. Представители движения отмечают, что получают больше формальных «отписок» из городской администрации, когда разворачиваются «публичные баталии».

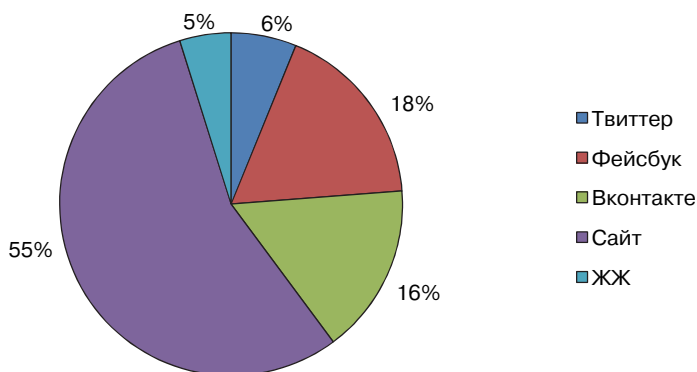


Рис. 2. Интернет-аудитория движения Архнадзор

Источник: данные аккаунтов движения и статистики LiveInternet на момент написания статьи

Для реализации тактики политизации движение активно взаимодействует со СМИ и поддерживает собственно каналы коммуникации, чтобы в нужный момент их можно было использовать для развертывания медиакампании. Архнадзор представлен в социальных сетях и имеет собственный сайт. Распределение аудитории между собственными каналами массовой коммуникации движения можно увидеть на рис. 2.

Как видно из диаграммы (см. рис. 2), сайт является ключевым каналом внешних коммуникаций. Анализ данных статистического сервиса LiveInternet показал, что пики посещаемости сайта приходятся на день проведения акции и следующие день-два [1]. Основная часть пользователей заходит на сайт через закладки, однако в пиковые периоды значительно возрастает доля косвенных посетителей (заход через поисковые сервисы и социальные сети). Например, во время информационной кампании по поводу «дома Болконского» аудитория сайта выросла на 20% по сравнению со среднемесячными значениями. Наиболее яркие акции транслируются мейнстримными медиа: газетами, журналами, телеканалами и радиостанциями.

Пики информационной активности на сайте Архнадзора совпадают с пиками информационной активности на сайте Департамента культурного наследия Москвы. При этом аудитории сайтов разные. Типичный посетитель сайта Архнадзора — мужчина в возрастной группе 18—24, а в случае Мосгорнаследия — женщина в возрасте 24—35 [1]. Существует также различие моделей медиапотребления посетителей анализируемых сайтов. Сайт Мосгорнаследия посещают в основном в рабочее время до и после обеда, при этом в пики посещаемости сайта структура аудитории серьезно меняется [8]. Сайт Архнадзора посещают в вечернее время после работы. Рост аудитории сайта начинается после 18.00 [1].

Проведенный анализ статистических данных по сайту Архнадзора и официальному сайту Мосгорнаследия показал, что аудитории этих сайтов практически не пересекаются, но рост количества посещений происходит практически синхронно. Это является следствием прямого информационного конфликта между двумя субъектами, при этом каждая сторона апеллирует к своей целевой аудитории.

Возникает эффект эхо-камер, где формируются приверженцы той или иной позиции. Информационная асимметрия, которая культивируется внутри эхо-камер, формирует людей, не готовых воспринимать аргументы противоположной стороны. В наиболее острых стадиях информационного конфликта Архнадзор генерирует враждебный Мосгорнаследию контент. Схожая тенденция была замечена при анализе страниц ДКН в «Твиттере» и «Фейсбуке». В результате культивируется атмосфера взаимной вражды и категорического неприятия оппонента. Возможности для рациональной дискуссии в медиапространстве сужаются.

Таким образом, тактика политизации способствует нагнетанию конфликта. В то же время публичный резонанс создает возможности для привлечения лидеров мнений и включения в решение более высоких этажей управленческой иерархии. Ярким примером этому служат открытые письма президенту. Политизация может выйти за пределы города и вынудить решать конфликт на федеральном уровне. Как показано на рис. 3, Архнадзор активнее использует тактику политизации, нежели чем «тихое адвокатирование».

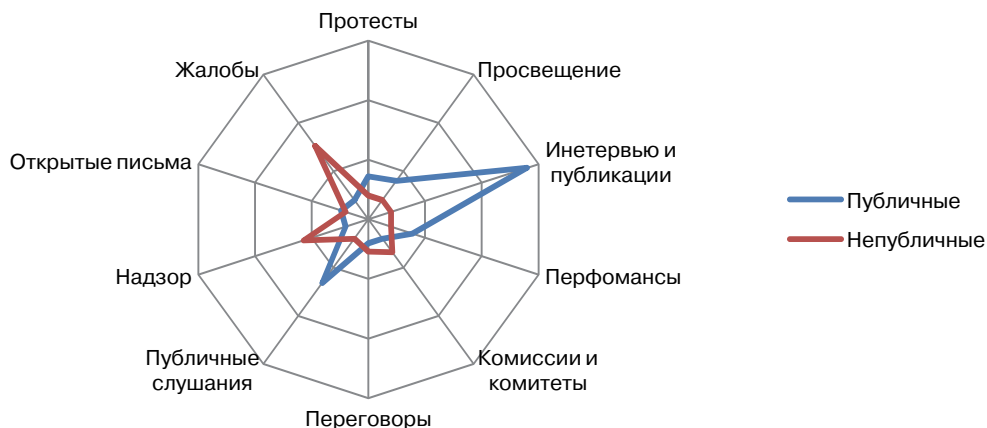


Рис. 3. Коммуникационный профиль Архнадзора 2009—2016 гг.

Источник: сводные данные глубинных интервью и медиааналитики

Всего за период с 2009 по 2016 г. Архнадзор провел 86 различных акций с привлечением СМИ (пикеты, экскурсии, арт-акции и др.) [7]. В рамках информационной кампании памятник фреймируется, т.е. получает уникальное запоминающееся и обладающее символической ценностью имя, например «дом Болконского», «Палаты Гурьевых», «гостиница Шевалье» и т.д. Следует отметить, что большая часть памятников, вокруг защиты которых разворачивается медиакампания, не имеют официального охранного статуса. Таким образом политизация не только расширяет набор инструментов влияния, но и позволяет решать проблему, которой для органов исполнительной власти не существует. Кроме того, политизация имеет кумулятивный эффект, т.е. системное изменение политики, а не спасение одного конкретного объекта.

Как было отмечено выше, тактика политизации имеет свои риски и ограничения. Это хорошо видно при сопоставлении графика публичной активности Архнад-

зора и графика разрушения объектов культурного наследия, составленного по данным Архнадзора (рис. 4). До 2013 г. эти графики были практически перпендикулярны, т.е. между публичной активностью движения и разрушением объектов культурного наследия не было корреляции. Однако на графике отчетливо видно, что после 2013 г. динамика разрушений и динамика публичных акций следуют одному и тому же тренду.

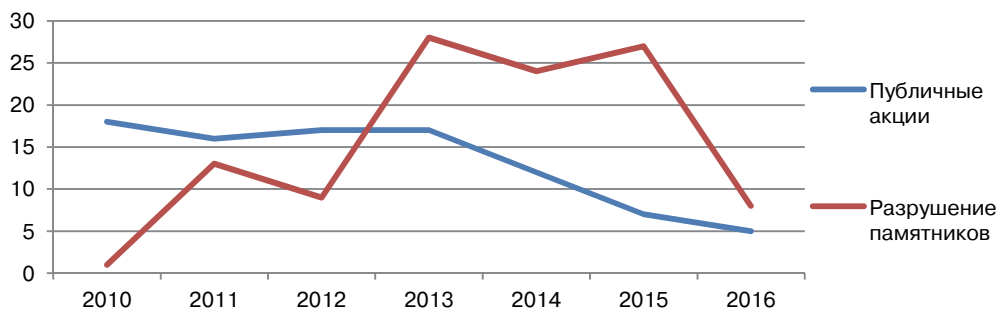


Рис. 4. Динамика разрушения памятников и протестных действий в Москве

Источник: данные с сайта движения Архнадзор

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В статье изучен феномен политизации конфликтов в сфере культурной политики на примере московского общественного движения по охране памятников Архнадзор.

Памятники являются не только культурным артефактами, но и реальными субъектами политики, поскольку они символизируют определенную историческую эпоху и отношение к этой исторической эпохе в настоящее время. Следовательно, памятники обладают культурным и политическим капиталом. Эта особенность культурного наследия отражается на методах сохранения исторических памятников. В статье было показано, что политическое измерение охраны памятников начало активно развиваться в России и за рубежом с начала XX в. Однако в советской России вопросы политического характера регулировались централизованно и общественные инициативы были встроены в корпоративистскую вертикаль. Трансформация политической системы привела к тому, что охрана памятников вновь приобрела политический окрас на низовом уровне.

В ходе исследования были выявлены две ключевые тактики общественного движения Архнадзор:

- 1) политизация;
- 2) «тихое адвокати́рование» (silent advocacy).

При этом коммуникационная модель движения смещена в сторону политизации, которая, с одной стороны, позволяет задействовать больше инструментов политического влияния, а с другой — обостряет конфликт с городскими властями.

Предпринятое исследование показало, что политизация не только позволяет добиваться конкретных результатов в виде спасения памятника, но и влияет на модель взаимоотношений органов власти и городского движения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] Аналитический отчет LiveInternet по сайту движения «Архнадзор». URL: <http://www.liveinternet.ru/stat/archnadzor.ru/summary.html>.
- [2] Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии. 2001.
- [3] *Гладарев Б.* Историко-культурное наследие Петербурга: рождение общественности из духа города // От общественного к публичному / под ред. О. Хархордина. СПб.: изд-во ЕУСП, 2011.
- [4] *Дороновская М., Вайнтраб Л.* Объект охраны: Москва. К 95-летию образования системы органов охраны памятников. Документы и свидетельства. Департамент культурного наследия города Москвы, 2012.
- [5] *Каширских О.Н.* Политические партии Германии в контексте модернизации политической коммуникации // Полис. Политические исследования. 2009. № 2.
- [6] Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия. 1972.
- [7] Официальный сайт общественного движения «Архнадзор». URL: <http://www.archnadzor.ru/aktzii-arhnadzora>.
- [8] Публичный отчет департамента культурного наследия за 2012 год. М.: ДКН. 2013.
- [9] Сайт Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. О ВООПИиК. URL: <http://www.voopik.ru/voopik>.
- [10] *Серто М. де.* Изобретение повседневности. 1. Искусство делать / пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовниной. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013.
- [11] *Харви Д.* Право на город // Логос. 2008. № 3.
- [12] *Шкаратан О.И.* Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2009.
- [13] *Castells M.* The City and the Grassroots: a Cross-cultural Theory of Urban Social Movements. London: Edward Arnold, 1983.
- [14] *Franzen M.* New social movements and gentrification in Hamburg and Stockholm: a comparative study // Journal of Housing and the Built Environment. 2005. Vol. 20. № 1.
- [15] *Harvey D.* Social Justice and the City. Oxford UK: Blackwell Publishers, 1993.
- [16] *Jenkins J.C.* Resource Mobilization Theory and the Study of Social Movements // Annual Review of Sociology. 1983. Vol. 9.
- [17] *Kulmala M., Tarasenko A.* Interest Representation and Social Policy Making: Russian Veterans' Organizations as Brokers between the State and Society // Europe-Asia Studies. 2016. 68:1.
- [18] *Mosley J.* Institutionalization, privatization, and political opportunity: what tactical choices reveal about the policy advocacy of human service nonprofits // Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly. 2011. 40(3).
- [19] *Mosley J.* Nonprofit Organizations' Involvement in Participatory Processes: The Need for Democratic Accountability // Nonprofit Policy Forum. 2015. 7(1).
- [20] *Oliver C.* Strategic responses to institutional processes // Academy of Management Review. 1991. 16(1).
- [21] *Su X.* Heritage Production and Urban Locational Policy in Lijiang, China // International Journal of Urban and Regional Research. 2011. Volume 35. 6 November.
- [22] World Heritage Watch. Final resolution International Conference "The UNESCO World Heritage and the Role of Civil Society". Bonn, Germany, 26—27 June 2015.

Сведения об авторе:

Зверев Александр Аркадьевич — аспирант факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (e-mail: azverev@hse.ru)

DOI: 10.22363/2313-1438-2017-19-2-118-129

POLITICAL DIMENSION OF HERITAGE PRESERVATION IN RUSSIA: CASE OF MOSCOW MOVEMENT ARKHNADZOR

A.A. Zverev

National Research University “Higher School of Economics”
20, Myasnitskaya str., Moscow, Russian Federation, 101000

Abstract. During the last decade cultural issues are being discussed in the Russian public sphere and have become the inherent part of the political agenda both at federal and regional levels. Heritage preservation is an element of cultural policy at large. This article answers two questions. Is there political dimension of heritage preservation? What could be the precondition of politization/depolitization in the field of heritage preservation? In order to answer both questions the author analyzes norms of international law in the field of heritage preservation and also he traced the evolution of the terms heritage and heritage site. Additionally, author analyzes activities of Moscow heritage movement Arkhnadzor as an attempt to find out the political dimension of it. In this paper the issues of heritage conservation were analyzed through the lens of political science and advocacy theory which makes this research new and specific.

Key words: heritage, heritage preservation, political action, advocacy, urban movement

REFERENCES

- [1] *Analiticheskij otchet LiveInternet po sajtu dvizhenija «Arhnadzor»*. Available from: <http://www.liveinternet.ru/stat/archnadzor.ru/summary.html> (In Russ).
- [2] *Vseobshhaja deklaracija JuNESKO o kul'turnom raznoobrazii*. 2001 (In Russ).
- [3] Gladarev B. *Istoriko-kul'turnoe nasledie Peterburga: rozhdenie obshhestvennosti iz duha goroda. Ot obshhestvennogo k publichnomu*. Ed. O. Harhordina. SPb.; izd-vo EUSP; 2011 (In Russ).
- [4] Doronovskaja M., Vajntrab L. *Ob'ekt ohrany: Moskva. K 95-letiju obrazovanija sistemy organov ohrany pamjatnikov. Dokumenty i svidetel'stva*. Departament kul'turnogo nasledija goroda Moskvy; 2012 (In Russ).
- [5] Kashirskih O.N. *Politicheskie partii Germanii v kontekste modernizacii politicheskoy kommunikacii. Polis. Politicheskie issledovanija*. 2009; 2 (In Russ).
- [6] *Konvencija ob ohrane vsemirnogo kul'turnogo i prirodnoogo nasledija*. 1972 (In Russ).
- [7] *Oficial'nyj sajt obshhestvennogo dvizhenija «Arhnadzor»*. Available from: <http://www.archnadzor.ru/aktsii-arhnadzora> (In Russ).
- [8] *Publichnyj otchet departamenta kul'turnogo nasledija za 2012 god*. Moscow; DKN; 2013 (In Russ).
- [9] *Sajt Vserossijskogo obshhestva ohrany pamjatnikov istorii i kul'tury. O VOOPiK*. Available from: <http://www.voopik.ru/voopiik/> (In Russ).
- [10] Serto M. de. *Izobrenenie povsednevnosti. 1. Iskusstvo delat'*. SPb.; Izd-vo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge; 2013 (In Russ).
- [11] Harvi D. *Pravo na gorod. Logos*. 2008; 3 (In Russ).
- [12] Shkaratan O.I. *Social'no-jekonomicheskoe neravenstvo i ego vosproizvodstvo v sovremennoj Rossii*. Moscow, ZAO «OLMA Media Grup»; 2009 (In Russ).
- [13] Castells M. *The City and the Grassroots: a Cross-cultural Theory of Urban Social Movements*. London; Edward Arnold; 1983.
- [14] Franzen M. *New social movements and gentrification in Hamburg and Stockholm: a comparative study. Journal of Housing and the Built Environment*. 2005; Vol. 20; 1.

- [15] Harvey D. *Social Justice and the City*. Oxford UK; Blackwell Publishers; 1993.
- [16] Jenkins J.C. Resource Mobilization Theory and the Study of Social Movements. *Annual Review of Sociology*. 1983; Vol. 9.
- [17] Kulmala M., Tarasenko A. Interest Representation and Social Policy Making: Russian Veterans' Organizations as Brokers between the State and Society. *Europe-Asia Studies*. 2016; 68:1.
- [18] Mosley J. Institutionalization, privatization, and political opportunity: what tactical choices reveal about the policy advocacy of human service nonprofits. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. 2011; 40(3).
- [19] Mosley J. Nonprofit Organizations' Involvement in Participatory Processes: The Need for Democratic Accountability. *Nonprofit Policy Forum*. 2015; 7(1).
- [20] Oliver C. Strategic responses to institutional processes. *Academy of Management Review*. 1991; 16(1).
- [21] Su X. Heritage Production and Urban Locational Policy in Lijiang, China. *International Journal of Urban and Regional Research*. 2011; Vol. 35; 6 November.
- [22] *World Heritage Watch. Final resolution International Conference "The UNESCO World Heritage and the Role of Civil Society"*. Bonn, Germany; 26—27 June 2015.